
О.А. НОВИКОВА – «НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПОСОЛ» РОССИИ В АНГЛИИ

С.Н. Третьякова

Кафедра психологии и педагогики
Филиал С.-Петербургского государственного морского
технического университета в г. Северодвинске
ул. Воронина, 6, Северодвинск, 164500

В статье рассматривается роль О.А. Новиковой в развитии британо-российских отношений. Ее салон в Лондоне в 1870–90-е гг. посещали многие видные британские политики, общественные деятели и интеллектуалы. Своей задачей она ставила разъяснять российскую политику, знакомить Россию и Англию, защищать самодержавную Россию.

Ключевые слова: 1870–1880-е гг., О.А. Новикова, британско-российские отношения, лондонский салон, британские политики, британские интеллектуалы.

Мнения об Ольге Алексеевне Новиковой (1840–1925) довольно противоречивы как у ее современников, так и у потомков. У одних она вызывала восхищение, у других – раздражение. Крайне негативно оценивается роль Новиковой как «агента русского правительства в Англии» в трудах, посвященных революционной эмиграции, написанных в советский период. У исследователей истории русско-британских взаимоотношений ее оценки также разнятся (1). Поэтому в данной статье, опираясь на воспоминания самой Новиковой и ее современников, постараемся представить ее личность и роль в развитии отношений между двумя странами.

Родилась она в дворянской московской славянофильской семье, отец – Алексей Николаевич Киреев (1812–1849) – был офицером, во время польской компании 1832 г. получил крест св. Георгия. Мать – Александра Васильевна, урожденная Алябьева (1812–1891), московская красавица. «Блеск Алябьевой» был отмечен А.С. Пушкиным в стихотворении «К вельможе» (1830). Крестным отцом Ольги Алексеевны, как и ее братьев, был Николай I. После смерти отца братья Александр и Николай по указанию императора были определены в Пажеский корпус в Петербурге. Ольга осталась с матерью, она была бойким и смышленным ребенком, любила книги, знала несколько иностранных языков. С детства она росла в атмосфере благотворительности, вращалась в кругу писателей, политиков и ученых.

О московском салоне Александры Алябьевой вспоминает Б.Н. Чичерин, который, будучи студентом Московского университета и находясь в дружеских отношениях с братом Ольги, не раз посещал этот дом. Правда, воспо-

минания его отмечены долей иронии, так как стремление хозяйки салона блистать образованностью мало удавалось, «ибо ум не соответствовал претензиям». Дочь ее, известная писательница О.К., унаследовала все ученые и литературные стремления своей матери, но с большей удачей (2).

Ольга интересовалась всем – искусством и литературой, духовными делами, политикой. Особенно она увлекалась музыкой, как и ее мать, любила петь, брала уроки пения во время поездки в Италию. Уже в молодые годы у нее проявляется интерес к общению с людьми, которые были значительно старше ее. В 1857 г. она сопровождает свою мать в поездке в Германию, где знакомится с Б. Ауэрбахом, в то время одним из самых знаменитых романистов Германии. Он станет первым из множества известных писателей, которые будут составлять круг ее знакомых. Ольге не было и 20 лет, ему уже за 40, но их знакомство вскоре переросло в дружбу. Писатель был впечатлен живостью и энтузиазмом молодой русской леди, некоторые черты которой он воплотил в образе Ирмы, главной героини его романа «На высоте» (1865) (3).

В 1860 г. она выходит замуж за И.П. Новикова (1824–1890), который был значительно старше ее. Он был чиновником министерства народного просвещения, в конце жизни – генерал-лейтенант. В 1861 г. у Новиковых родился их единственный ребенок, сын Александр. Однако семейная жизнь не сложилась.

В Петербурге Ольга Алексеевна посещала салон великой княгини Екатерины Павловны, где она «видела не только лучшее русское общество, но также и тогдашнюю аристократию ума». Именно отсюда идут основные черты, которые будут отличать салон Новиковой в Лондоне – простота, культура, непринужденность (4). Здесь она познакомилась с графом Кайзерлингом, ректором Дерптского университета, который был польщен живым интересом молодой женщины к его философским размышлениям. Она также знакомится с К.П. Победоносцевым, в то время наставником наследника, а впоследствии обер-прокурором Синода, и светлейшим князем А.М. Горчаковым, много лет бывшим канцлером империи.

У Новиковой в Петербурге был свой салон, постоянными посетителями которого были английский посол лорд Непир, турецкий посланник Халил-Паша, граф Кайзерлинг (когда он был в городе), любившие провести у нее час-два в обществе знаменитых музыкантов, писателей и других *habitués* ее салона (5).

Впервые серьезный интерес к международной политике у нее появился в связи с Польским восстанием 1863 г. Ее наставником стал лорд Непир, опытный дипломат. Ему было интересно обсуждать с Ольгой Алексеевной возможное развитие ситуации. Новикова тогда, конечно же, не думала о каком-либо серьезном участии в политике, но она была «молода, полна энтузиазма и страстная патриотка». Ее старший брат Александр состоял при великом князе Константине, брате императора, который в то время был наместником Царства Польского. Поэтому она очень интересовалась этими событиями.

Покидая пост посла в Петербурге осенью 1864 г., лорд Непир выступил с речью об англо-русских отношениях, в которой обратил внимание на необходимость лучшего понимания между двумя нациями. Уже из Берлина, куда он был переведен, лорд Непир пишет Новиковой письмо, в котором продолжает высказывать свои мысли на эту тему: «...Я думал, что лучший комплимент, который я мог сделать русским, это сказать им *правду*, показать им *настоящую* картину отношений между Англией и Россией, сказать *всем* публично то, что я постоянно *многим* говорил приватно. Вы являетесь свидетелем того, что я делал так». Далее он продолжает, что англичане в целом враждебны России, поэтому они «должны постепенно слышать *хорошее* о России. Вы можете сказать, что мы очень упрямы и несправедливы. Я соглашусь с тем, что англичане очень злопамятны. Это природа нашей нации. Эту природу должно познать и считаться с ней соответственно...» (6). Эти высказывания фактически станут программой для будущей деятельности Новиковой. Переписка Новиковой и лорда Непира не прерывалась, потом они вновь встретятся в Лондоне и до его смерти останутся близкими друзьями.

В 1866–1867 гг. она сопровождает родителей своего мужа в Германию и Францию. В этой поездке она знакомится с Ч. Вильерсом, членом британского парламента, с которым также начитает переписку. Удивительно, но деятелю, которому было уже за 60 лет, интересно было мнение молодой русской женщины по вопросам европейской политики того времени, он хотел знать больше о России. Правда, что писала в ответ Новикова, неизвестно и, похоже, что в это время она еще не готова была стать интерпретатором России для английских государственных деятелей.

Целый год Новикова провела в русском посольстве в Вене у брата своего мужа Е.П. Новикова. Здесь у нее также была возможность общения с широким кругом лиц. В частности, завязались дружеские отношения с графом Бейстом, саксонским государственным деятелем, бывшим в то время канцлером Австрийской империи. Затем он станет австро-венгерским посланником в Лондоне и будет постоянным посетителем лондонского салона Новиковой.

Приведенные примеры дают представление и о ее знакомствах, которые она завязала еще в довольно молодом возрасте, и о том, как формировался круг ее общения.

Новикова первый раз посетила Англию в 1868 г., а с 1873 г. жила уже в основном в Лондоне. Она поселилась в Кларидж Отеле, бывшем в то время местом пребывания известных иностранцев. Ольга Алексеевна была любезно принята русским послом в Лондоне бароном Ф.И. Брунновым, хорошим другом ее матери. В январе 1873 г. на приеме в русском посольстве в честь принца Уэльского, будущего короля Эдуарда, Бруннов познакомил Новикову с Б. Дизраели и У. Гладстоном, лидером оппозиции и английским премьером.

В начале 1870-х гг. ее занимают в основном религиозные вопросы. Интерес к движению старокатоликов (несогласных с догматом о непогрешимости Папы Римского) и к сближению с Православной церковью в этот период проявляла Англиканская церковь. Старший брат Ольги Алексеевны был активным участником этого движения, она с энтузиазмом помогала ему, вела переписку с заинтересованными лицами. Ее первоначальное общение с Гладстоном было как раз на религиозные темы.

М.М. Ковалевский оставил воспоминания о салоне О.А. Новиковой этого периода. «У нее собирались некоторые члены английского духовенства, озабоченные мыслью о сближении православной и англиканской церкви. Неизменно в определенный час устраивался около камина и старик Кинглек, автор известного сочинения о Крымской войне. О.А. в то время была еще женщиной с привлекательной наружностью. Отличное знакомство с английским языком и большие связи (ее муж был братом русского посла в Константинополе), наконец, самый тот факт, что она занимала квартиру в Вестенд Бон Стрит, – не только аристократическом квартале, но и на улице, соседней с клубом и редакциями многих газет, – были причиной того, что между пятью и шестью часами у нее можно было застать не мало интересных англичан. Салон этот вскоре сделался и политическим... В салоне О.А. можно было встретить людей, редко где показывавшихся, между прочим, историка Карлейля» (7).

Новикова писала своему другу журналисту Стэду об одном из таких приемных дней: «У меня перебивало 28 чел., если не больше. Гладстон приехал рано, в три, – потом Фруд, потом Леки с женой, князь и княгиня Гика (румынский посланник с женой), затем жена бразильского посланника, потом португальского и сэр Генри Кампбелл Банерман с женой». И негодовала на Стэда, что он размещает в своей газете объявления о ее приемах, «у меня и без того больше гостей, чем я могу их разместить» (8). Сам Стэд не любил бывать на приемах Новиковой по причине их многолюдности. На «громадное общество, которое помешает переговорить толком», жаловался и Гладстон.

Естественно, что ее салон оказывался притягательным для многих русских, которые оказывались в Лондоне. Англичанам, отправляющимся в Россию, она давала рекомендательные письма к своим знакомым, российским корреспондентам регулярно присылала из Англии книги, вырезки из местных газет и подобное.

В английском обществе у Новиковой была репутация человека, хорошо знакомого с выдающимися русскими писателями. О. Уайльд обращается к ней с письмом, напоминая о данном ею обещании написать небольшую статью о русских писателях Тургеневе, Толстом и Достоевском, основываясь на личных воспоминаниях. «Все сейчас интересуются русской литературой. И что может быть интереснее, чем рассказ того, кто лично их знал», – завершает он свою просьбу (9).

Никто из ее знакомых, даже ближайших друзей, как напишет позже ее биограф, журналист У.Т. Стэд (10), до 1876 г. и не подозревал, какая энергия и способности прячутся за приятными манерами и живым умом Новиковой. Она была умна, полна сочувствия, добродушна, обладала особым талантом привлекать и удерживать дружбу выдающихся людей. Но практически ничто не свидетельствовало о способностях, предопределивших занять ей особое место в истории ее страны (11).

Начало активной публицистической деятельности Ольги Алексеевны в Англии было вызвано трагическими событиями на Балканах. Ее младший брат Николай погиб в Сербии в июле 1876 г. в бою с турецкими войсками. Он отправился туда по поручению Славянского общества с медикаментами, участвовал в подготовке отрядов сербских добровольцев, а затем сам поступил в сербскую армию под именем Гаджи-Гирея. Это имя прогремело подвигами, которые он совершал со своим отрядом.

Известие о героической гибели Н. Киреева вызвало широкий резонанс в России. Многие русские офицеры брали отпуска «по домашним обстоятельствам» и уезжали добровольцами в Сербию. Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» откликнулся на смерть Николая Алексеевича Киреева, «положившего жизнь свою за народное дело» (12). Имя Н. Киреева, как первого погибшего русского добровольца в Сербии, прозвучало и в знаменитой речи И.С. Аксакова.

К.П. Победоносцев писал Ольге Алексеевне, что кровь ее брата была «первою жертвой любви, которую принесла Россия святому делу освобождения славян» и что «эта жертва отозвалась во всех уголках России и заставила ее встрепенуться новым трепетом горячего сочувствия» (13). В другом письме Победоносцев вновь вернулся к этой теме. «С тех пор как мы расстались с вами, сколько поднялось движения у нас в России! И все на костях вашего брата, кровь его брызнув на Россию, пробудила в ней полно чувств. По моим замечаниям с этой поры и поднялось у нас движение. Да послужит вам утешением эта мысль!» (14).

Позже и сама Новикова писала, что энтузиазм, который поднялся в России, был первым прямым следствием смерти ее дорогого брата. Но было и другое следствие, ее «обезумевший ум» именно Англию посчитал ответственным за эту трагедию. «Если бы она не поддерживала турок, то не было бы войны и брат, возможно, был бы жив. Если бы Гладстон был у власти, то брат никогда бы не погиб. Как горько я бранила Англию в душе» (15). Находясь в отчаянии, Новикова рассылала письма подобного содержания своим английским знакомым, но они поняли ее горе и отвечали с чрезвычайной добротой и сочувствием. Все ее старые друзья – А. Кинглек, Дж. Фруд, Ч. Вильерс, граф Бейст, лорд Напир и многие другие – были практически ежедневными посетителями ее дома.

Тот же эффект, какой в России произвела смерть Н. Киреева и других русских добровольцев в Сербии, в Англии имело известие о жестокостях

турок в Болгарии в мае 1876 г., вызвавших возмущение английского народа. Во многих городах проходили массовые митинги протеста, выступила с осуждением турецких зверств и либеральная интеллигенция, среди них были Т. Карлейль, Э. Фриман, Дж. Фруд, Р. Броунинг, Ч. Дарвин, Г. Спенсер и др. (16). Происходило размежевание на сторонников восставших народов и на защитников тех, кто их подавлял. Волна общественного негодования побудила взяться за перо У. Гладстона, который опубликовал памфлет «Болгарские ужасы и восточный вопрос». Издание моментально разошлось в Англии тиражом 200 тыс. экземпляров (17). Это способствовало росту политического авторитета Гладстона, что впоследствии явилось одним из факторов, обусловивших его возвращение к власти.

В этот период у Новиковой появился еще один союзник и защитник России. Это был провинциальный журналист У.Т. Стэд, редактор газеты «Northern Echo». Она была чрезвычайно взволнована силой и страстностью передовых редакторских статей о ситуации на Балканах. Позже, когда Стэд переедет в Лондон, между ними установятся очень близкие отношения.

Однако с началом русско-турецкой войны антирусские настроения в Англии резко усилились. Новикова с присущей ей энергией встала на защиту политики, которую Российская империя проводила в этих условиях. Ее статьи, написанные очень эмоционально, появляются в разных английских журналах и газетах, а затем выходят в авторских сборниках. Первое издание вышло под заголовком «Ошибается ли Россия?» (1878). Книга была посвящена памяти погибшего брата. В следующем году выйдет еще один сборник – «Друзья или враги?». Подписывала свои публикации она инициалами «О.К.».

Как считала Новикова, англичане неверно трактовали то, что происходит в эти дни в России. Распространенным было убеждение, что славянские комитеты представляли собой секретные общества, «состоящие из революционеров и радикалов, ненавидящих форму правления в России», а И.С. Аксаков оказывался главой революционного движения (18). Новикова возмущается тем, что вместо того, чтобы «удостовериться о целях славянофилов из их собственных уст», британский автор повторяет «глупую клевету». Чтобы продемонстрировать абсурдность подобных взглядов, она переводит на английский язык и издает брошюрой знаменитую речь И.С. Аксакова, с которой он выступил перед Московским Славянским комитетом по поводу войны на Балканах.

Характеризуя роль Новиковой в этих событиях, М.М. Ковалевский отмечал, что Ольга Алексеевна направила свою деятельность на ознакомление англичан с действительным характером русского славянофильства. «Такие выдающиеся деятели, как Гладстон, перестали видеть в славянофильстве нечто тождественное с панславизмом, а в нашем вмешательстве в распрю болгар с Турцией – одно желание овладеть Константинополем. Гладстон открыто выступил сторонником поддержки английской дипломатией заступничества России за угнетенных братьев-славян» (19).

27 ноября 1876 г. в Лондоне состоялся митинг в поддержку южных славян, на котором выступали Гладстон, историк Фриман и многие другие, осудившие «безнравственное равнодушие кабинета Дизраэли». После этого митинга Гладстон открыто продемонстрировал поддержку позиции Новиковой, он подошел к Ольге Алексеевне, предложил ей руку и проводил до Кларидаж Отеля, где она проживала, несмотря на то, что его ждали на дипломатическом обеде (20). Это еще раз показало твердость характера Гладстона, так как общественное мнение бурно отреагировало на это. Значительная часть прессы его высмеивала, называя *Gladstonoff*, и даже обвиняла, что он стал платным русским агентом (21).

Одни считали Новикову «агентом русского правительства», приехавшим в Англию, чтобы «соблазнить английских государственных деятелей». Другие называли ее «неофициальным послом» и очень высоко оценивали роль в этих событиях, считая, что она одна стоила армии в 100 тыс. чел. Но У.Т. Стэд утверждал, что ничьим агентом Новикова не была. «Она была русской патриоткой, часто в сильной оппозиции с собственным правительством, сердцем и душою преданная делу угнетенных славян, на защиту которых ее брат пожертвовал жизнью» (22).

Премьер-министр Великобритании Дизраэли в период балканского кризиса назвал Новикову «депутатом от России» (*M.P. for Russia*). Это саркастическое замечание тогда не имело своей целью сделать ей комплимент, но этим почетным титулом она всегда гордилась. Именно такое название позже выбрал для книги о Новиковой ее друг У.Т. Стэд, потому что если послы представляют правительства, то депутаты парламента представляют народ. И именно как представительница русской нации Новикова, борясь за освобождение христиан на Балканах, «завоевала право быть названной премьер-министром Великобритании депутатом парламента от России в Англии» (23).

Книгу «Россия и Англия. Протест и призыв» (1880) Новикова вновь посвятила памяти своего погибшего брата Николая. Она имела большой успех в Англии, несколько раз переиздавалась и способствовала некоторому изменению общественного мнения. Появилось много отзывов, один из которых принадлежал перу Гладстона. Он отметил, что книга написана «женщиной, обладающей большим политическим дарованием или, по крайней мере, умением удачно вести политическую полемику», что «это – труд партизана и защитника», что «О.К. желает возникновения горячей симпатии между Англией и Россией» и она не видит причины, почему миллионы англичан и русских должны ненавидеть или бояться друг друга. Главное достоинство ее книги Гладстон видит в строгости критических заметок, ибо «будь она сдержанна, дипломатична и сладкоречива, ее стрелы были бы не так метки». Книга читается «легко, слог ясен, полон остроумия, к тому же автор владеет английским языком лучше большинства местных писателей». Заметно, что книга «написана не под руководством английского учителя и без особых

приготовлений, но горячо, самобытно, что сообщает еще более привлекательности этому труду» (24).

В 1883 г. выходит ее книга «Скобелев и славянский вопрос» (25). Сочинение, написанное вскоре после неожиданной смерти генерала, которого Новикова считала своим другом, было данью его памяти. Помимо рассказа о жизни русского полководца, ставшего знаменитым не только в России, но и в Англии, вторую часть книги Новикова вновь посвящает разъяснению идей славянской политики.

Прожив в Лондоне значительное время, Новикова затруднялась объяснить, почему же в Англии так враждебно относятся к России. В каждом русском, приезжающем в Англию, они готовы видеть скрытого врага, интригующего против английских интересов. Единственно возможное объяснение она видела в недостатке знаний о России. Поэтому Ольга Алексеевна ставила своей задачей разъяснить и пропагандировать в Англии политику России, познакомить Англию и Россию друг с другом.

Препятствиями к взаимопониманию являлось, по ее мнению, то, что между странами отсутствовало знание политических взглядов друг друга. Поэтому она с присущей ей энергией выступала в защиту российского самодержавия. Новикова утверждала, что надо считаться с особенностями каждой страны и заявляла: «будь я англичанкой, я, вероятно, была бы либералкой, будь я американкой, я несомненно была бы республиканкой, но как русская, *honi soit qui mal y pense*, я верю в самодержавие» (26).

Она не раз будет писать, что есть две России – официальная и неофициальная, Россия Петербурга и Россия Москвы, как есть и две Англии: Гладстона и Дизраэли. Если между официальной Россией и Англией существует вражда и антипатия, то между вторыми – взаимное понимание и взаимные симпатии.

В борьбе за британское общественное мнение ей приходилось защищать свои принципы и от русских революционеров, поддерживаемых в Лондоне со времени Герцена. Если репрессии русского правительства были ответом на убийство царя-освободителя, то она оправдывала правительство. И в ответ обвиняла английское правительство в том, что оно «предоставляет убежище русским динамитчикам». П. Кропоткин вспоминал, что «английская печать в то время являлась отголоском мнений г-жи Новиковой, т.е. взглядов Каткова и русских жандармов» (27). Поэтому в 1881 г. им была написана серия статей о «русских делах», опубликованных на страницах английской периодической печати, в которых русские революционеры подавались совсем в другом свете.

В январе 1885 г. Новикова в «*Pall Mall Gazette*» опубликовала статью «Русификация Англии». Внутреннюю и внешнюю политику Англии она называет «русской», считая, что существенной разницы между странами нет и уверяя англичан, что их «самодержавие не менее существенно от того, что оно прикрывается парламентскими эдиктами». Она также обвинила русских

революционеров-эмигрантов в том, что они готовят заговор против русского правительства (28). Ее очень возмущало, что некоторые местные издания слишком легкомысленно предоставляют свои страницы русским террористам.

В ответ С.М. Степняк пишет в редакцию газеты свое письмо-опровержение, в котором заявил, что утверждения *т-те* Новиковой являются «измышлениями», «нелепой клеветой», «вздором», «ложными» и «смешными», а ее саму назвал «слишком боязливой дамой» (29). Практически все авторы, занимающиеся историей российской политической эмиграции, не обошли вниманием эту статью Новиковой в своих работах. В свое время на нее крайне негативно отреагировал Ф. Энгельс (30), назвав Новикову «платным агентом русского царизма». По мнению исследователя российской политической эмиграции В.Я. Гросула, в английской печати в 1880-е гг. публицисты революционного лагеря одержали вверх над публицистами, работавшими на официальную Россию (31).

Новикова искренне не могла понять особого отношения англичан к нигилистам. В английской прессе печаталось много статей, которые написаны «с большой долей симпатии и очень малым пониманием» нигилизма. И эта симпатия относится к людям, единственной целью которых является «разрушение». Для примера она рассказывает о судьбе Л.А. Тихомирова, видного деятеля «Народной воли», который в эмиграции переосмыслил свои взгляды и перешел в ряды сторонников самодержавия. Он написал брошюру «Почему я перестал быть революционером?», а затем обратился к Александру III с покаянным письмом, прося позволения вернуться в Россию. Тогда же в «Pall Mall Gazette» Новикова публикует статью «Исповедь нигилиста», в основе которой лежала брошюра бывшего революционера. Отметим, что Новикова и ее брат приняли активное участие в судьбе Тихомирова и были одними из посредников при его возвращении в Россию.

Когда в Лондоне поднялась кампания в защиту евреев после прошедших на юге России в апреле 1881 г. погромов, О.А. Новикова вновь активно защищала российскую политику. В 1882 г. она написала в «Times» два письма, в которых протестовала против обвинений русского правительства в том, что оно поддерживает социальную войну против евреев в южных провинциях. Она считала, что в Англии «русскую еврейскую проблему» просто не понимают. В начале 1890-х гг. еврейский вопрос снова привлек внимание английской общественности, русскому царю даже была отправлена петиция, на которую он никак не отреагировал. Новикова выступила со статьями в британской печати, заслужив обвинение «злейшего врага еврейской расы», утверждая при этом, что среди ее друзей были евреи (32).

Затем наступила очередь американского публициста Дж. Кеннана, автора книги «Сибирь и система ссылки». В попытках противодействовать его пропаганде по поводу «вымышленных ужасов Сибири», Новикова организовала поездку в Сибирь журналисту Г. де Виндту. В 1892 г. он издал книгу

сибирских очерков, к которой Новикова написала предисловие. Но это не имело успеха (33).

Конечно же, подобная пропагандистская активность Новиковой в Англии не могла изменить состояние англо-русских отношений, но ей удалось повлиять на позицию отдельных видных британских деятелей. Самым ярким примером является ее дружба с У. Гладстоном.

Дружеские отношения у Новиковой сложились и с историком Т. Карлейлем, который любил заходить к ней, когда не было других посетителей. По отношению к ней, пишет Новикова, Карлейль проявлял только милую и нежную сторону своей натуры. У них было одно общее – недоверие к Дизраэли и сочувствие к угнетенным славянам. Он был очень великодушен в отношении скромных усилий «Roasian Leddy». Он знал, что, несмотря на литературные недостатки, она была искренна. И это явилось золотым ключиком к дорогому старому сердцу Карлейля (34).

После смерти Т. Карлейля Новикова написала небольшой очерк о нем, вспоминала о совместных прогулках с историком, обратив особое внимание на его интерес к России. Карлейль настаивал на необходимости сообщать как можно более сведений о России: «Англия очень невежественная на счет вас». Он считал, что у России великое будущее, но развиваться она должна своим путем (35).

Очень близкие отношения были у Новиковой с историком А. Кинглеком. Он почти ежедневно навещал ее, а когда Новикова уезжала из Англии, регулярно отправлял ей письма. Однажды он пожаловался, что «писать леди до востребования похоже на попытку поцеловать монахиню через двойную решетку». Наверное, самой яркой, характеризующей их отношения, стала история, описанная и самой Новиковой, и биографом Кинглека. В предисловии к 6-му изданию своего сочинения о Крымской войне автор написал о Николае Кирееве, создав романтический образ, но в целом предисловие имело традиционный антирусский характер, что вызвало возмущение Новиковой, когда она прочитала рукопись. Она не могла допустить, что имя ее брата будет осквернено нападками на дело, дорогое им обоим. Выслушав молча, историк предложил Ольге Алексеевне вычеркнуть все, что так огорчило ее. Что она и сделала, в итоге предисловие было сокращено на три четверти (36).

Дружба с Новиковой, несомненно, повлияла и на У.Т. Стэда, который был едва ли не единственным русофилом среди видных деятелей британской журналистики (37). Не без ее участия он, приехав в Россию, был лично представлен Александру III и другим государственным деятелям. В своей книге «Правда о России» (1889) Стэд создал очень положительный образ русского царя-миротворца. Отметим, что до этого русский царь никогда не принимал представителей иностранной прессы. По совету О.А. Новиковой император Александр III стал подписчиком его издания «Pall Mall Gazette». Стэд хотя и был либералом, но, по его собственному признанию,

он много лет был адвокатом политики российских правителей в английской прессе.

Другом и последователем Новиковой стал и молодой писатель С. Грэхем, который также был активным пропагандистом дружбы между двумя странами. В 1910-е гг. Грэхем совершил по России несколько пешеходных путешествий. В своих книгах он воспевал «Святую Русь» и русского патриархального крестьянина, преданного царю-батюшке.

Конечно же, между Новиковой и Грэхемом была очень большая разница в возрасте. Спустя много лет писатель вспоминал, что она «была заслужена и красива в свои семьдесят, и должно быть выглядела очень мило, когда летним вечером прогуливалась под руку с Гладстоном и сватала его не за себя, но за Россию. Лозунгом ее жизни было «все для России». Она завоевала радикала Стэда, который стал защитником царской России – это само по себе было достижением, с его гибелью она лишилась своего последнего душевного наперсника в политике и письмах (38). Теперь Грэхем как бы заполнял эту пустоту в ее жизни.

Давно ее старшие друзья умерли. Добавим, что к этому времени Новикова потеряла и своих ближайших родных – сына и брата.

Из воспоминаний Грэхема возникает образ женщины-легенды, и, несмотря на преклонный возраст, еще деятельной. Она обладала яркой памятью, и о ком бы она ни рассказывала – о русских писателях, Карлейле или Гладстоне – она была способна создать эффект их присутствия.

Надо отметить, что активная деятельность Новиковой в период балканского кризиса 1870-х гг. практически не нашла отражения в работах отечественных исследователей (за исключением ее современников). Однако историк Р. Сетон-Уотсон считал, что ее личное влияние на русско-английские отношения было «очень реальным», хотя и преувеличивалось значительно как ее друзьями, так и врагами. Но не надо его и недооценивать: это касается ее личных отношений со многими английскими деятелями (39).

При этом не следует забывать, что эта деятельность фактически шла вразрез с официальным курсом России, вызывала раздражение у русского посла в Лондоне графа П.А. Шувалова. Новикова, в частности, пишет о встрече с канцлером А.М. Горчаковым, который настаивал на том, что она не должна употреблять слово «славяне», так как «Европа ненавидит это слово». На что она, конечно же, бурно стала возражать, вспомнив и о своем погибшем за дело славян брате Николае, и о поддержке ее деятельности Гладстоном, аргументируя тем, что это означало бы отказ от своей национальности, что равносильно самоубийству (40).

Книга Стэда о Новиковой вышла в 1909 г., когда со времени этих событий прошло уже несколько десятилетий. Новиковой не раз предлагали написать об этом, опубликовать корреспонденцию, но она категорически отказывалась. Ей претило писать о себе. В то же время существовало некоторое опасение, объясняет Стэд во введении, что рассказ об одном из самых инте-

ресных эпизодов недавней истории так и не будет написан. Поэтому Стэд почувствовал ответственность и как один из ее ближайших друзей предложил издать переписку Новиковой. Против подобного сочинения в свое время не возражал Гладстон, который передал Стэду значительное число бумаг. Поддерживал эту идею и Карлейль. Правда первоначально речь шла о написании всей истории «национального протеста против Турции» в 1876–1880 гг. Однако Новикова предпочла отложить это до заключения англо-русского союза. Она хранила молчание почти 30 лет, руководствуясь в том числе и тем, чтобы не «нанести вред» репутации отдельным личностям, пока не готово общественное мнение (41). Стэд воспринимал издание этой книги как возможность хоть в незначительной мере отдать часть долга, в котором Англия находится перед мадам Новиковой.

Отношение к О.А. Новиковой в русском и британском обществах различалось. В Лондоне к ней относились гораздо лучше, если можно так сказать, ценили больше. В России же многие ее недолюбливали. Новикова и сама это чувствовала и, видимо, не раз ощущала по отношению к себе эту несправедливость. В одном из писем И.С. Аксакову она жаловалась, что «нападки своих, русских, всегда очень болезненно на меня действуют. Неужели, подлинно, я дурно делаю, что решаюсь откровенно высказывать свое мнение, не щадя высокомерных англичан?». Далее она продолжает, что Гладстон «именно меня за эту прямоту и хвалит», а Фруд повторяет: «Пишите, пишите, это нам полезный урок». И высказывает благодарность Аксакову и Победоносцеву за «доброе слово» (42).

Если обижали Россию, то в этом случае друзей для нее не существовало – мы уже приводили пример с историком Кинглеком. Подобное произошло и со Стэдом, когда она была разгневана на его книгу о России, особенно на главу о религиозных преследованиях, и опубликовала в журнале «Contemporary Review» резкую отповедь на клевету (с ее точки зрения) под названием «Бочка меду и ложка дегтю» (43).

Круг общения Ольги Алексеевны был весьма широк, что объясняется ее характером, желанием быть в курсе всего и принимать в этом деятельное участие. Вследствие этого некоторые ее знакомства вполне могла носить поверхностный характер, а чрезмерная активность воспринималась некоторыми негативно.

И.А. Гончаров, хоть и переписывался с Новиковой, но избегал непосредственного общения с ней. У К.П. Победоносцева манера поведения Новиковой также вызывала некоторое раздражение, но он вел с ней постоянную переписку и признавал важность ее лондонских знакомств. Еще сильнее недолюбливал Новикову Н.С. Лесков. В рассказе «Зимний день» писатель вывел персонаж под именем Олимпия, под которой «прозрачно подразумевалась известная Ольга Новикова» (44). Новикова фигурирует еще в одном, неопубликованном при жизни, произведении Лескова «Неоцененные услуги», в котором были изображены представители русского общества 1870-х гг., связанные с дипломатическими делами и прессой (45).

Но, возможно, что помимо характера О.А. Новиковой мужчинам просто не нравилось само участие женщины в политике.

Несмотря на широкий круг общения, похоже, что близких людей у нее, кроме брата и сына, не было. Она очень гордилась своим сыном Александром, его деятельностью земского начальника и созданными им школами, содержание которых, кстати, требовало немало средств. Он также оказался очень деятельной и беспокойной натурой, принес и немало огорчений матери. Будучи рожден и воспитан в консервативной аристократической семье, затем А.И. Новиков перешел на революционные позиции, участвовал в митингах и собраниях. Его посадили в тюрьму, грозила каторга. Но дядя и мать выхлопотали помилование.

Пик публицистической деятельности О.А. Новиковой в Англии приходится на вторую половину 70–80-е гг. XIX в., но и в последующее время она не могла оставаться без активной жизни. Интересно замечание Л. Тихомирова, сделанное в дневнике в июле 1915 г., когда он пишет о предстоящей встрече с Новиковой: «...нужно сказать, что говорить нам не о чем. Оба мы выброшены из жизни, но я – покорился судьбе, а она упорно хватается за жалчайшие подобия «деятельности» и этим мне надоедает. Меня это раздражает...» (46).

Историк Е. Тарле считал, что «О.А. Новикова была, бесспорно, интересной и недюжинной женщиной. От природы она была талантливее весьма многих русских официальных дипломатов времен Александра II и Александра III. И, кроме того, ею руководили, помимо честолюбия, еще и определенные идейные интересы, во имя которых она работала иной раз с самою настоящею страстью... Важно отметить, что этой официальной России она служила идейно, не за страх, а за совесть, не предавала ее и не продавала, служила всегда с энергией, часто с блеском, иногда с удачею». Одновременно историк обращает внимание на следующее: «От этой фигуры веет холодом, О.А. Новикова отличалась свойством – *абсолютно не понимать* тех политических и культурных течений, которые ей были несимпатичны; ни глубиной, ни широтою, ни толерантностью ее ум не отличался...» (47).

Думается, что наиболее точно смог понять Новикову только Стэд. «Самодержавие в теории, аристократизм по наследству, демократичность по симпатии, она была другом и союзником Победоносцева и Гладстона, стоявших на противоположных политических полюсах, она была в близком общении с самым ортодоксальным приверженцем греческой церкви и наиболее передовым из английских нонконформистов. С обаянием и очарованием женщины она соединяла решительность и силу мужчины. Ее характер был настолько сложный, что даже двое из ее друзей не могли сойтись в ее оценке. Что касается ее врагов, то они никогда не могли согласиться, почему ее нужно осудить. Но для тех, кто любил ее, главным в ней были огромная доброжелательность и чуткое сердце, «натура, инстинктивно отвечающая на каждое возвышенное чувство и каждый благородный идеал» (48).

Новикова все-таки написала книгу воспоминаний, которую она начинает с того, что цель ее жизни достигнута. Речь идет об англо-русском союзе, она уверена, что русская кровь на полях мировой войны была пролита не зря. По иронии судьбы книга вышла в 1917 г., когда будет разрушено все, чему посвятила свою жизнь О.А. Новикова.

На наш взгляд, имя ее было незаслуженно забыто в России, а деятельность долгое время воспринималась сквозь призму устаревших идеологических схем. Главная историческая заслуга О.А. Новиковой состоит в том, что она стала своего рода посредником между двумя странами, продемонстрировав яркий пример вполне успешной неофициальной дипломатии в период балканских событий. Думается, что этот период ее жизни требует дальнейшего изучения.

Новикова, действительно, была довольно противоречивой личностью. Но ее нельзя воспринимать вне эпохи, отрывать от сословного воспитания и идеологии. Всю свою жизнь она посвятила России, смело защищая столь непопулярную в Англии идею самодержавия практически в одиночку, иногда очень прямолинейно (отсюда и мнения о низком уровне ее пропаганды), что никак не согласуется с ярлыком «тайного агента царизма», который к ней все время пытаются прикрепить. Скорее, можно согласиться с такой ее характеристикой, как «пропагандист». Делала это искренне, по зову сердца, страстно, сохраняя преданность своим идеалам несмотря ни на что. Хотя подобная пропагандистская деятельность не изменила и, видимо, не могла изменить сложившуюся традицию восприятия России в Англии в силу различия политических и культурных традиций двух стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Иванова Н.В.* Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей в 80–90-е годы XIX в. // Ученые записки Курского педагогического института. – Курск, 1967. – Вып. 43. – Ч. I. – С. 81–113; *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии: Вторая половина XIX – начало XX в.: Очерки. – Архангельск, 1994; *Павловская А.В.* Пореформенная Россия глазами современников-англичан // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. – М., 1996. – С. 143–154; *Патутина С.* Агент русского правительства // Всемирное слово. – СПб., 2001. – № 14. – С. 75–78; «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646–1945. – М., 2001; *Baylen J.O.* Madame Olga Novikov, Propagandist // *American Slavic and East European Review*. – 1951. – Vol. 10. – № 4. – P. 255–271.
- (2) Русское общество 40–50-х годов XIX в. – М., 1991. – Ч. II: Воспоминания Б.Н. Черина. – С. 45.
- (3) Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков / Под ред. М.П. Алексеева. – М.; Л., 1960. – С. 303–304.
- (4) *Stead W.T. (ed.).* The M.P. for Russia. Reminiscences and Correspondence of Madame Olga Novikoff. – L., 1909. – Vol. I. – P. 21. См. также русский перевод: Депутат от России. Воспоминания и переписка О.А. Новиковой / Сост. W.T. Stead. – Пг., 1909.
- (5) *Ibid.* – P. 51.

- (6) Ibid. – P. 73.
- (7) Лукьянов С.М. О Вл. Р. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии: В 3 кн. – Петроград, 1921. – Кн. 3. – С. 139–142.
- (8) The M.P. for Russia. – Vol. II. – P. 252.
- (9) ИРЛИ. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. 125. – Л. 1–2 (письмо от 1887 г.).
- (10) Уильям Томас Стэд (1849–1912) – известный британский журналист и издатель, общественный деятель, пацифист. В 1870-х гг. – редактор «Northern Echo», в 1883–1889 гг. – редактор «Pall Mall Gazette», с 1890 г. – издатель журнала «The Review of Reviews». Оказал большое влияние на развитие британской журналистики, ввел в журналистскую практику интервью, разоблачения и сенсации. Погиб во время крушения «Титаника».
- (11) The M.P. for Russia. – Vol. I. – P. 188–189.
- (12) Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – М., 1989. – С. 273.
- (13) ОР РГБ. – Ф. 126. – М 3611а. – Д. 76. – Л. 3 об. (Письмо от 19 июля 1876 г.)
- (14) Там же. – Л. 2 (письмо от 10 октября 1876 г.).
- (15) Novikova O. Russian Memories. – L., 1917. – P. 38.
- (16) Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли, или история одной невероятной карьеры. – М., 1993. – С. 320–322. См. также: Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. – М., 1991.
- (17) Гладстон У. Болгарские ужасы и восточный вопрос. – СПб., 1876. Русский перевод был сделан К.П. Победоносцевым и К.Н. Бестужевым-Рюминым.
- (18) Novikoff O. Is Russia Wrong? A Series of Letters, By Russian Lady. – L., 1877. – P. 21–22.
- (19) Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. – М., 2005. – С. 205.
- (20) Novikova O. Russian Memories. – P. 43–44.
- (21) Ibid. – P. 55.
- (22) The M.P. for Russia. – Vol. I. – P. VII–VIII.
- (23) Ibid. – P. V.
- (24) Русская мысль. – 1880. – № 11. – С. 81–82.
- (25) Novikova O. Skobeleff and Slavonic Cause. – L., 1883.
- (26) Novikova O. Russia and England from 1876 to 1880. A Protest and an Appeal. – L., 1880. – P. 223. Honi soit qui mal у pense – «пусть устыдится тот, кто плохо об этом подумает» (с фр.), девиз рыцарского ордена Подвязки.
- (27) Кропоткин П.А. Записки революционера. – М., 1990. – С. 412.
- (28) Степняк-Кравчинский С.М. В Лондонской эмиграции. – М., 1968. – С. 404.
- (29) Там же. – С. 193–194.
- (30) Энгельс Ф. Императорские русские действительные тайные динамитные советники // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 195–197.
- (31) Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX в. – М., 2001. – С. 326.
- (32) The Philo-Jewish Meeting at the Guildhall. Some letters by Olga Novikoff («О.К.»). – L., 1891; Novikova O. Russian Memories. – С. 115–121.
- (33) См.: Меламед Е.И. Русские университеты Джорджа Кеннана. – Иркутск, 1988.
- (34) Novikova O. Russian Memories. – P. 80–81.
- (35) Новикова О.А. Несколько слов о Карлейле. – М., 1881.
- (36) Novikova O. Russian Memories. – P. 193; Tuckwell R.W. A.W. Kinglake: A Biographical and Literary Study. – L., 1902. – P. 90–91.

- (37) *Зашихин А.Н.* Британская *Rossica* второй половины XIX – начала XX в. – Архангельск, 1995. – С. 52.
- (38) *Graham S.* Part of the Wonderful Scene, an Autobiography. – L., 1964. – P. 73.
- (39) *Seton-Watson R.W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question: A Study in Diplomacy and Party Politics. – L., 1962. – P. 115–117.
- (40) *Novikova O.* Russian Memories. – P. 106–107.
- (41) *Ibid.* – P. XI–X.
- (42) ИРЛИ. – Ф. 3. – Оп. 4. – Ед. хр. 433. – Л. 4 об. (письмо от 12/24 декабря 1881).
- (43) Русский вариант статьи был опубликован в: *Московские ведомости*. – 1889. – № 35. – 4 февраля.
- (44) *Лесков А.* Жизнь Н. Лескова по его личным семейным и несемейным записям и памятям. – М., 1954. – С. 320.
- (45) Впервые опубликовано: *Лесков Н.С.* Неоцененные услуги // *Знамя*. – 1992. – № 1. – С. 155–179.
- (46) *Репников А.В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). – М., 2006. – С. 377.
- (47) *Голос минувшего*. – 1915. – № 10. – С. 300–301.
- (48) *The M.P. for Russia*. – Vol. I. – P. 5.

O.A. NOVIKOVA – «UNOFFICIAL AMBASSADOR» OF RUSSIA IN ENGLAND

S.N. Tretyakova

Department of Psychology and Pedagogic
Sevmashvtuz, a branch of S.-Petersburg State Marine Technical University
Voronina Str., 6, Severodvinsk, Russia, 164500

The article views contribution which O.A. Novikova made to British-Russian relations. Her London salon in 1870–1890th was visited by many prominent British politics, public leaders and intellectuals. She had as her object to interpret the Russian policy, to acquaint Russia and Britain, to defend autocracy Russia.

Key words: 1870–1890s, O.A. Novikova, British-Russian relations, London salon, British politics, British, intellectuals.